Деятельность японских спецслужб на Дальнем Востоке накануне и вовремя Русско-японской войны (1904–1905 гг.)

Никонов Андрей Валерьевич, *аспирант ТОГУ Россия, г. Хабаровск*

Разведывательная деятельность является важнейшим элементом внешнеполитической деятельности государства, который эффективно используется в международных отношениях. Интенсивность и значение разведки постоянно возрастает в сложных геополитических условиях современного мира. Особенно роль разведки велика накануне и во время проявления кризисных внешнеполитических явлений, когда дипломатия становится бессильной и уступает место военной мощи.

Сегодня в литературе часто подчеркивается, что благодаря разведке на территории Дальнего Востока и в целом на территории России и Китая, японский Генштаб перед началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. собрал о странах обширную информацию, так как в данной области велась активная и весьма успешная работа. В свою очередь, проблемой русской военной разведки накануне столкновения с Японией была незавершенность ее структурной организации, что означало смешение функций и столкновение амбиций руководителей различных уровней и больших сбоев в работе [9, с.190]. В силу того, что в настоящее время происходит рассекречивание многих архивов и исторических записей в отношении Русско-японской войны, выходят все новые и новые работы касательно рассматриваемого вопроса. В данных работах отмечается широкомасштабность деятельности разведслужб Японии до военных действий и во время них, что породило успех японской стороны в войне.

Разведка, как известно, это сбор информации о противнике или конкуренте для обеспечения своей безопасности и получения преимуществ в области вооруженных сил, военных действий, политики или экономики [8].

Японская разведка была сильным противником, особенно накануне и во время Русско-японской войны, и ее деятельность заслуживает серьезного и объективного анализа, так как многое из того, что было заложено в японской военной и военно-морской разведке в этот период, до сих пор не утратило своего значения и остается востребованным современными японскими спецслужбами [7, с. 212].

Накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. японским военно-политическим руководством была организована интенсивная работа по разведывательному и контрразведывательному обеспечению предстоящего театра военных действий. Эти усилия можно условно разделить на три основных направления. Активная работа на севере Китая была организована в целях создания надежных контрразведывательных и разведывательных позиций, а также непосредственного изучения географических, климатических, социальных и экономических условий предполагаемого театра военных действий. Разведывательная работа на территории России в основном была направлена на получение данных о вероятном противнике. Усилия японской разведки концентрировались на получении информации о местах дислокации подразделений, их количестве, оснащении, а также изучении наличия возможностей транспортной инфраструктуры в регионе. Кроме того, как отдельное направление выделялась работа японских спецслужб по исследованию и применению разведывательных возможностей третьих стран, в основном европейских.

На территории Маньчжурии все большие города, включая Цицикар, Харбин, Телин, Ляоян и Мукден – были поделены на разведывательные участки, в каждом из которых работал японский агент. В Токио находилось разведуправление, куда японские агенты предоставляли точные описания населенных пунктов Маньчжурии с фотографиями, заметки о ее климатических условиях, характеристики местных жителей, в т. ч. влиятельных чиновников и крупных коммерсантов, сведения о количестве домов, колодцев, скота, состоянии дорог и т. д. Поэтому японский Генштаб обладал подробной информацией о провинциях Северо-Восточного Китая [1, с. 101–102].

С 1898 г. японцы стали проводить политику «насаждения» своего влияния в китайской армии. Китайцев приглашали в высшие военные учебные заведения Японии, правительство Микадо организовывало поставки оружия в Китай. В китайской армии работали японские инструкторы, которые прилагали усилия для скорейшей «японизации» молодых китайцев, по сути, начав серьезную подготовку будущих проводников своего влияния в Китае. В январе 1899 г. правительство императрицы Цыси отправило из г. Шанхая для обучения в Японию 40 китайцев в возрасте от 16 до 20 лет. С 1901 г. в руки японцев стало переходить и руководство китайской полицией [3, с. 127–131].

В ноябре–декабре 1899 г. капитан японского Генерального штаба Морита совершил разведпоездку по Маньчжурии, в ходе которой достаточно долго общался с каждым китайским губернатором. [1, с. 102]. Таким образом, можно утверждать, что благодаря систематическим усилиям японские военные инструкторы уже к 1901 г. серьезно потеснили всех иностранных наемников во вновь создаваемых китайских войсках. Укрепившись в Южном и Центральном Китае, японские агенты проникали в северные районы страны, в зону интересов России [4, с. 16–17].

По распоряжению начальника Генштаба в 1902–1903 гг. к дипломатической миссии в Китае для выполнения разведывательных заданий по русской армии в Маньчжурии и Тихоокеанской эскадре в Порт-Артуре были прикомандированы военные переводчики Яманэ Такуми, Иотани Сата и Цуруока Эйтаро, на которых возлагалось ведение разведки в Маньчжурии и на Ляодунском п-ове. С февраля 1903 г. по январь 1904 г. они отправили в МИД свыше 30 разведывательных донесений о передвижениях и дислокации русских войск, организации и состоянии железных дорог и телеграфной сети, фортификационных сооружениях и вооружении крепости Порт-Артур, экономике, климате и рельефе Маньчжурии, русских торговых и промышленных компаниях и «национально-психологических особенностях славян» [7, с. 119].

Еще за 10 лет до начала Русско-японской войны японцы направили в Россию большое количество своих шпионов и диверсантов. Японская разведка активно собирала информацию о российских войсках и железных дорогах в Сибири и Приморье. Известен эпизод, когда в 1897 г. майор японского Генерального штаба Куросава получил разрешение в российском МИДе на проезд в Японию через Сибирь. Такие исследования были неоднократны. В 1898 г. майор японской армии Нонака обратился с просьбой в МИД России о разрешении ему проезда в Японию через Сибирь, Владивосток и Маньчжурию. Однако российское министерство в связи с участившимися поездками японских граждан выдало последнему разрешение на безостановочный проезд. Тем не менее 4 мая 1898 г. майор Нонака все же остановился в г. Иркутске и осмотрел помещения конной казачьей сотни, резервного батальона и юнкерского училища [1, с. 102]. Кроме офицеров так называемые «разведопоездки» осуществляли японские врачи и учителя.

Японцы активно изучали русский язык. В то время японцы поступали на тяжелые работы по строительству российских укреплений, где собирали подробную информацию о строившихся объектах.

Отличительной чертой в данной области со стороны Японии было пренебрежение этической стороной международных отношений, что дало японскому разведывательному бюро возможность

знать, видеть и слышать, о чем говорят и что думают русские люди и в канцеляриях, и в гостиничных, и в приютах низшей пробы [1, с. 101]. В Порт-Артуре еще до войны 1904–1905 гг. долгое время существовал публичный дом, открытый американской подданной Жанетой Чарльз. Помимо «обычного» для данного заведения занятия шпионское ремесло в его стенах достигло большого масштаба. После закрытия полицейскими властями заведения Жанеты Чарльз в Порт-Артуре она переехала во Владивосток и также открыла публичный дом под названием «Северная Америка». Так же, как и в Порт-Артуре, во Владивостоке велась разведывательная деятельность в пользу Японии и ее союзников (Великобритании и США) [6].

Японские офицеры с целью создания надежной легенды для осуществления разведывательной деятельности на территории России, не брезговали никакой работой. Известны случаи, когда кадровые офицеры японского Генерального штаба устраивались на работу в парикмахерские, приказчиками, содержателями опиумных курилен. Одной из самых распространенных среди японских разведчиков считается профессия фотографа, благодаря которой японская разведка получала групповые снимки военнослужащих, фортификационных сооружений и складов с привязкой к местности.

Один из английских торговцев, часто бывавший во Владивостоке, имел здесь своего приказчика-японца. В начале января 1904 г. этот «приказчик» заявил своему хозяину, что больше он работать не будет. Англичанин никак не мог уговорить его не бросать работы, хотя и обещал ему утроить жалованье. Каково же было изумление англичанина, когда он по приезду в Токио встретил на одной из главных улиц города «своего» приказчика в форме капитана японского Генерального штаба [6].

Основным разведывательным органом Японии на тот момент являлся Второй разведывательный отдел Генерального штаба японской армии. Его офицеры вели дальнюю разведку в Европе и Америке, используя прикрытия военных атташе и другие легальные и нелегальные возможности. На театрах военных действий разведку организовывали и осуществляли вторые (разведывательные) подразделения при штабах крупных воинских формирований: группировок войск в Корее, Манчжурии, армий, дивизий. Их деятельность координировалась Вторым отделом Генштаба. В структуре японских разведывательных органов имелись подразделения, действовавшие в интересах отдельных видов вооруженных сил. Например, дзехокеку – японская военно-морская разведка, подчинявшаяся японскому министерству военно-морского флота – кайгунсе. В рассматриваемый период военный флот и его командование были, пожалуй, самой влиятельной частью вооруженных сил Японии. Неудивительно, что они смогли создать собственную дееспособную разведку [5].

Интересной особенностью японского шпионажа в конце XIX – начале XX в. было то обстоятельство, что им занимались не только государственные органы – военное и морское ведомства, но также частные «патриотические общества», основанные и финансируемые богатыми помещиками и буржуа [10].

Такие общества, активно создаваемые с конца XIX в., считались частными организациями и формально не зависели ни друг от друга, ни от спецслужб Японии. Тем не менее их связи с японской разведкой были довольно тесными.

Одним из первых в 1879 г. было создано общество «Гэнъеся» – «Общество черного океана», которое открыто пропагандировало идеи захвата Китая, Кореи, российского Дальнего Востока и тайно вело шпионаж против России.

Создание «Гэнъеся» положило начало организации других националистических обществ, внешне имевших различные предназначения, но втайне ставивших одну единственную цель –

выявлять уязвимые места у китайцев и русских, вести подрывную и разведывательную работу на их территории, готовить почву для японского вторжения.

В 1898 г. два небольших общества, возникших вскоре после «Гэнъеся», объединились и образовали Восточноазиатское общество единой культуры. Официально его целями были выработка и распространение единой системы письменности для японо-китайского сближения. Деятельность этого общества ограничивалась территорией Китая.

Самым крупным из всех японских патриотических обществ был «Кокурюкай» – «Черный дракон», которое основал в 1901 г. Рехэй Утида. Члены этой организации ставили своей задачей захват Маньчжурии, Приморья, Приамурья и т. д. Следует также отметить, что зачастую кадровые руководители разведки подбирались из «Кокурюкай».

Помимо активной разведывательной деятельности посредством тайных агентов на суше японцы успешно производили сбор информации о Маньчжурии при помощи разведывательных судов. Так, военный атташе в г. Тяньцзине полковник К. И. Вогак сообщал в марте 1900 г. в штаб Приамурского военного округа, что японская канонерская лодка «Атаго», разведывавшая в 1899 г. в устье реки Пейхо близ станции Так-ку, была замечена российскими казаками в том же месте, но под названием «Чиохай» [1, с. 105].

В 1903 г. японский Генштаб направил в Европу специальную комиссию для изучения основ и технологий военного кораблестроения. В августе 1903 г. эта комиссия прибыла в г. Санкт-Петербург, где с разрешения российского Главного морского штаба ее члены осмотрели все адмиралтейские заводы. При этом представители морского министерства России стремились подчеркнуть, что не опасаются Японии. В связи с этим было разрешено показывать все, чем интересовались японские специалисты, не скрывая особенностей состояния постройки российских кораблей.

Таким образом, можно сказать, что до войны с Россией японцы создали в Маньчжурии сеть резидентур и подготовили кадры опытных разведчиков. Японские спецслужбы наводнили своими шпионами все более или менее важные пункты намеченного ими театра военных действий. К моменту начала боевых действий в Северо-Восточном Китае японский Генеральный штаб собрал необходимую и полную оперативную информацию о данном регионе, что в значительной степени повлияло на ход дальнейших действий в русско-японской войне.

С началом Русско-японской войны большинство японских агентов покинули вражескую территорию, и с этого момента основной ударной силой японского шпионажа стали наскоро обученные китайцы, монголы и корейцы. Это сильно снизило качество работы, но в условиях использования колоссального количества агентов и почти полного попустительства со стороны русской контрразведки японская армия все равно обеспечивалась необходимыми данными.

Особую ценность для японской разведки представляли те китайцы и корейцы, которые работали у русских в качестве переводчиков и писцов. Китайцы и корейцы, работавшие у русских и являвшиеся японскими шпионами, очень долго не были разоблачены. Только в конце 1904 г., уже в разгар военных действий, удалось установить, что среди переводчиков китайцев и корейцев, работавших в царской армии, были японские шпионы [6].

Для того чтобы затруднить доступ русских агентов, японцы прибегали к различным ухищрениям. Путем дознания они выясняли пути, по которым шел тот или иной русский разведчик, узнавали названия деревень, где он останавливался, владельцев домов, где он ночевал, после чего привлекали всех этих лиц во главе со старшиной селения к ответственности как пособников русской разведки.

Шла работа с родственниками солдат, которые состояли на службе в русской армии, кроме

того, шпионы группами в 3-4 человека направлялись для работы в тылы русской армии. Возглавлял такую группу обычно наиболее опытный агент, хорошо знавший русский язык. Члены группы, внедряясь в штат работников ресторанов, погонщиков при обозах, а также в госпитали, успешно собирали интересующие Токио сведения.

Доставка разведывательных донесений носила особенную важность. Существовали специальные почтальоны, которые направляли донесения через линию фронта, к каждой агентурной группе приписывалось несколько надежных почтальонов. Однако был период, когда связь между японскими шпионами через фронт была затруднена, так как японская армия продвигалась мелкими частями в начале войны. Японские разведчики для доставки донесений по назначению часто надевали форму русских солдат. Для передачи сообщений через фронт применялась уловка переодеваться уличным торговцем. Шпион в корзине нес товары различных цветов, причем каждый цвет товара обозначал определенный род войск, а каждый мелкий предмет – вид оружия: трубки – тяжелую артиллерию, папиросы – полевые пушки и пр. На товарах «торговца», кроме того, делались мельчайшими иероглифами записи, которые в отдельности ничего не значили, но собранные агентом воедино давали ему полное и четкое донесение.

В деле шпионажа японцы показали себя подлинными новаторами, изыскивая любую возможность для получения интересующих сведений. В ходе боевых действий они быстро сориентировались в обстановке и воспользовались наиболее дешевым, безопасным и вполне надежным источником информации – прессой. Этому способствовало отсутствие военной цензуры. Из газет японская разведка могла получать сведения о состоянии армии противника, мобилизации частей для отправки на Дальний Восток и другие секретные сведения.

Примером преступного разглашения военной тайны может служить «Вестник маньчжурской армии», издававшийся царским командованием во время Русско-японской войны. В нем печатались сообщения о прибытии на Дальний Восток различных воинских соединений, отчеты о расположении частей, приказы, содержавшие данные о составе и состоянии различных корпусов и дивизий. В Вестнике публиковалось множество объявлений о розыске военнослужащими родных и друзей. Эти объявления давались офицерами, указывавшими свои адреса, что еще более раскрывало картину дислокации русских войск на Дальнем Востоке [10].

Организация диверсионных акций также носила обширный характер, чаще всего диверсии осуществлялись в форме разборки железнодорожных путей или порчи телеграфных линий, организации подрывов железнодорожных мостов и порчи железнодорожного полотна. В начале апреля 1904 г. в окрестностях Харбина были задержаны два японских офицера. Они были одеты тибетскими ламами и готовились к крупной диверсии. У них отобрали более пуда пироксилиновых шашек, несколько коробок бикфордова шнура, динамит и ключи для отвинчивания рельсовых гаек [2, с. 57–58].

В конце апреля 1904 г. были арестованы пять китайцев, подложивших пироксилиновые патроны под русский воинский поезд около станции Хайлар.

Японские диверсанты готовили взрыв доков во Владивостоке. Когда все приготовления к взрыву были завершены, русские власти получили анонимное письмо, в котором сообщалось о готовящемся взрыве доков. Принятыми мерами удалось помешать японцам осуществить диверсию. [2, с. 57].

Таким образом, можно сделать вывод, что японская разведка активно готовилась к войне с Россией. В результате такой подготовки ими были созданы надежные агентурные позиции как на севере Китая, так и на Дальнем Востоке России. К началу войны японский Генеральный штаб обладал необходимой информацией о противнике, предстоящем театре военных действий и имел

возможности оперативно реагировать на изменение обстановки во время ведения боевых действий. Успешная деятельность японской разведки в значительной степени оказывала влияние на ход Русско-японской войны и во многом предопределила ее итоги.

Список литературы

1. Алепко, А. В., Жабицкий, А. К. Деятельность японской разведки в северо-восточном Китае накануне русско-японской войны 1904-1905 гг. / А. В. Алепко, А. К. Жабицкий // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 2 (6). – С. 101–108.

2. Вотинов, А. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. / А. Вотинов. – М.: Воениздат НКО СССР, 1939. – 72 с.

3. Добычина, Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX вв. / Е. В. Добычина // Вопросы истории. – 1999. – № 10. С. 127 – 131.

4. Добычина, Е. В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Добычина Елена Викторовна. – М., 2003. – 28 с.

5. Мироненко, С. В. Спецслужбы Японии против России: новый взгляд / С. В. Мироненко. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://svgbdvr.ru/istoriya/spetssluzhby-yaponii-protiv-rossii-novyi-vzglyad

6. Османов, Е. М. Деятельность японской разведки и российской контрразведки в годы русско-японской войны / Е. М. Осинов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/da/sb_yaponskiy_shpionazh/pre.html

7. Полутов, А. В. Японская разведка против российской империи: мифы и реальность / А. В. Полутов // Актуальные проблемы современной Японии. – 2013. – № 27. – С. 198–223.

8. Разведка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovorus.ru/index.php

9. Сергеев, Е. Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904-1905) / Е. Ю. Сергеев // Россия и АТР. – 2014. – № 1 (83). – С. 184–198.

10. Черняк, Е. Пять столетий тайной войны. Из истории разведки войны / Е. Черняк. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/MEMUARY/CHERNYAK/razvedka.txt